

В уголке глаза мелькнул белый цвет, и его сердце внезапно сжалось. Среди тысяч мыслей он ухватился за луч света, но прежде чем успел обдумать, Байли Нинцин уже звала его.

— Перестань возиться с этим проклятым барьером, помоги мне схватить его, а потом уходим!
— Её слова прозвучали почти как крик.

Цяньмянь Янь под стремительным натиском Байли Нинцин быстро начал отступать и вскоре был оттеснён к самому Чжу Маолиню.

Этого человека пока нельзя было убивать, только взять живьём, поэтому Чжу Маолинь и не спешил действовать. Они долго ломали над этим голову, и теперь, видя, что Цяньмянь Янь не предпринимает никаких резких действий и легко позволил Байли Нинцин загнать себя в положение, удобное для наложения заклинания захвата, в сердце Чжу Маолиня внезапно возникло беспокойство.

Слишком много подозрительных моментов, и всё слишком легко. Это...

Байли Нинцин отпустила оружие и подняла руку, чтобы начертить заклинание оков. Но в тот миг, когда её палец был готов коснуться Цяньмянь Яня, внезапно раздался свист рассекающего воздух меча.

— Нинцин! — Чжу Маолинь почувствовал, как в его сознании оборвалась некая нить, именуемая разумом. Духовная сила взметнулась, мгновенно сровняв с землёй всё под ногами, и с неудержимой мощью устремилась навстречу тому лезвию.

Убьёт ли он при этом Цяньмянь Яня, его уже не волновало.

Но в следующий миг он не поверил своим глазам — его атака была остановлена... куда более мощной духовной силой.

— Юй Юань? — вырвалось у него, и почти одновременно глаза затуманились кровавым цветом.

Брызги крови разлетелись в стороны. Байли Нинцин схватилась за грудь, она даже не успела осознать, что произошло, как почувствовала новый, леденящий укол.

Рука Цяньмянь Яня пронзила её грудную клетку и сжала божественную сущность.

— Когда ты заточила меня в горе Чжун, тебе следовало предвидеть этот день, — его взгляд будто пропитался ядом, а искажённое лицо полностью захлестнула ненависть.

Он, полный ненависти, жаждал увидеть страх на лице Байли Нинцин, но вскоре понял, что она даже не смотрит на него, а повернулась к мужчине в одежде учёного, стоящему поодаль.

Даже когда божественная сущность была в чужих руках и она лишилась всех сил, она всё равно изо всех сил старалась смотреть на того человека.

Эта женщина не боится смерти?

Промелькнула у него мысль, но вдруг что-то ударило его в грудь, и тело, словно марионетка с оборванными нитями, рухнуло вниз.

Чжу Маолинь, рискуя жизнью, сумел вырваться из оков, предпочтя получить тяжёлые повреждения божественной сущности, лишь бы притянуть Байли Нинцин к себе. Меч вновь нанёс удар, но он не обратил на это внимания, позволив лезвию войти в тело, крепко прижав

ладонь к спине Байли Нинцин и непрерывно передавая в неё свою духовную силу.

Неизвестно, сколько ударов мечом он принял, но выражение его лица не менялось, словно он был уже мёртв. Лишь когда Байли Нинцин с силой выкашляла кровь, в его глазах снова появился свет.

— Я ещё не умерла?.. — Байли Нинцин пришла в себя, но всё ещё была очень слаба. Она подняла руку, стёрла кровь с уголка губ Чжу Маолия, слегка тронула губы в подобии улыбки и тихо прошептала:

— Как грязно...

— Хм, — Чжу Маолия просто уткнулся лицом в её плечо. — Тогда я вытрусь...

Чуть погодя он выпрямился и, глядя в сторону, откуда исходил свет меча, громко произнёс:

— Юй Юань, я уступаю тебе в мастерстве, но если ты не остановишься, я заключу договор с Небесным Путём. Готов рассеять всю свою жизненную силу и благословения на благо Поднебесной, дабы ты навеки осталась в Нижнем мире, без возможности вознесения.

Едва он это произнёс, как в небесах грянул гром — предзнаменование клятвы Небесному Пути.

Тысячелетнюю силу, которую другие почитали и тщетно искали, он ради одного человека мог отбросить, как мусор.

Культиваторы, прошедшие через Небесные Кали, могли ценой всей своей жизненной силы умиротворить бедствия в мире. Хотя у него не было таких способностей, но силы этапа прозрения пустоты с лихвой хватило бы, чтобы проклясть одного человека.

Атака с той стороны действительно прекратилась. Он тут же усмехнулся, и эта насмешка была точь-в-точь как обычная насмешливая ухмылка Байли Нинцин.

— Господин Чжу, ты запутался в своих чувствах и не ищешь освобождения, к чему же такие муки? — Раздался монотонный голос, чистый, как вода, будто увещающий, а может, и сожалеющий.

Насмешка в глазах Чжу Маолия не исчезла, и он громко ответил:

— Не беспокойтесь, фея Юй Юань, с этого момента мы больше не встретимся.

Собираясь уходить, он заметил Чан Ли, молча стоящую на месте. Встретившись с её чёрными, как смоль, глазами, на его лице появилась горькая улыбка.

Будь на её месте кто-то другой, давно бы воспользовался хаосом и сбежал.

Он ненадолго остановился и передал мысль в духовное море Чан Ли:

— Они пришли за тобой, поэтому, скорее всего, не причинят тебе вреда. Во дворе осталось кое-что, я запечатал это тайным заклинанием, должно быть, всё цело. Забери это, лучше, чем оставлять в руках негодяев. Даже если тебе это не пригодится, Чжун Минчжу понадобятся некоторые вещи для защиты.

Сказав это, он превратился в поток света и направился на юго-запад.

— Лиэр, — перед Чан Ли появился старец в чёрных одеждах с седыми волосами и бородой — это был Му Даньсинь. — Ты не ранена?

— Нет, — ответила Чан Ли, глядя на Му Даньсиня. Картина перед глазами наложилась на воспоминания многолетней давности, и в них обнаружилось некоторое сходство.

Му Даньсинь не покраснел от ярости, но в его облике по-прежнему читалась печаль, и выглядел он куда старше, чем прежде.

Прожив столько лет рядом с Чжун Минчжу, Чан Ли уже научилась различать эмоции. Она поняла, что Му Даньсинь сейчас совсем не рад.

Его глаза были тусклыми, и в них таилась тень неловкости.

Стыда.

За завесой облаков Мо Чэньсян в изнеможении опустилась на колени внутри барьера. Она смотрела, как Байли Нинцин пронзили мечом, как Чжу Маолинь получил тяжёлые повреждения божественной сущности.

Всё это произошло из-за того, что она принесла тот пропуск. Когда она осознала это, было уже слишком поздно, тем более что перед столькими старшими мастерами она ничего не могла изменить. Всего прибыло семь мастеров этапа преобразования духа, все скрыли свои аугас, словно не желая быть узанными, и её учитель Ду Сюаньцзэ также был среди них.

Она ещё не успела оправиться от потери лампы души, как оказалась в заточении у Ду Сюаньцзэ.

— Учитель, почему... — Вскоре после того как Чжу Маолинь ушёл, барьер рассеялся, но она всё не выходила, словно потерянная кукла.

Сцена многолетней давности вновь предстала перед её глазами. Тогда тот человек ушёл невредимым, заявив перед уходом, что их связи разорваны. Теперь же и Чжу Маолинь, и Байли Нинцин получили тяжёлые ранения, а Байли Нинцин и вовсе оказалась на волоске от смерти. Если бы тот человек узнал, как бы он отнёсся к ней...

Старые милости давно рассеялись, и, судя по характеру того человека, он, вероятно, стал бы считать её врагом и стремился бы уничтожить.

— Чтобы ты не наделала глупостей, — длиннородый даос выглядел сурово, и даже перед своей самой ценной ученицей не проявлял ни капли теплоты. — Основа Дворца Семи Высших Таинств ещё не укрепилась. Если ты снова свяжешься с ними, как ты будешь себя вести?

— Я... — в глазах Мо Чэньсян мелькнула растерянность.

Когда-то учитель говорил ей то же самое: тысячелетняя репутация Дворца Семи Высших Таинств не может быть разрушена ею. Добро и зло несовместимы. Если она снова будет общаться с тем человеком, то пренебрежёт принципами и отвернётся от праведности. Небеса не потерпят этого.

Так говорил её учитель, так говорили все старшие, которых она знала. Одни кричали, другие мягко увещевали, но смысл был один и тот же. Она должна была держаться своей позиции, не поддаваясь временному ослеплению и не позволяя злодеям одурачить себя.

«Но я не была ослеплена, и меня не одурачили...»

Эти слова она так и не смогла произнести.

Ду Сюаньцзэ повернулся, чтобы поговорить с другими, и, похоже, был доволен результатом. Хотя другие старшие не выражали своих чувств, они, должно быть, были очень рады.

Чжу Маолинь и Байли Нинцин, которые долгое время доставляли головную боль праведникам, были разгромлены, и в ближайшее время они не смогут предпринять серьёзных действий. Это была ситуация, которую они давно ждали. Даже фея Юй Юань, которая обычно не вмешивалась в конфликты между сектами, встала на их сторону. Если сейчас собрать силы праведников для атаки на Кунью, это будет так же легко, как рассечь бамбук.

Нет!

Внезапно в её сердце промелькнула ледяная струйка.

Цяньмянь Янь, который изначально напал на Байли Нинцин, не был праведником.

Хотя она жила в уединении сотни лет, она не была полностью оторвана от внешнего мира. После того как Цяньмянь Янь предал город Юньчжун, практически все праведники издали указ о его уничтожении. Её учитель, ненавидевший злодеев, точно рассчитал момент для атаки Байли Нинцин, когда та расслабилась, и не мог не заметить присутствие Цяньмянь Яня, но теперь он не упоминал об этом.

Она резко встала и подошла к Ду Сюаньцзэ, громко сказав:

— Учитель! Почему Цянь...

— Замолчи! — лицо Ду Сюаньцзэ потемнело, и он резко оборвал её. — Это великий план, не говори ерунды!

Чжун Минчжу: Погоди, разве я не главная героиня?

Автор: Посмотри, когда появлялись Чжан Уцзи, Лин Хучун, Го Цзин и Ян Го, будь довольна.

Хотя диалог между тётушкой и Байли Нинцин был подобен столкновению небесного огня с земным (????), на самом деле Байли Нинцин — это верный друг старого возлюбленного тётушки. Объясняю на всякий случай, вдруг кто-то пропустил.

<http://bllate.org/book/16292/1468704>